

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1 сентября. Въ теченіе второй половины августа, войска генерала Ренненкампа, тѣснимыя, превосходными силами германцевъ и угрожаемыя обходомъ съ лѣваго фланга, послѣ боевъ, дорого стоящихъ непріятелю, были по словамъ официальной телеграммы „къ первому сентября выведены изъ труднаго положенія и заняли исходныя позиціи для дальнѣйшихъ операцій“.

Дальнѣйшія операціи наступающихъ въ восточной Пруссіи германскихъ войскъ совершенно ясно опредѣлялись постройкой нѣмецкихъ желѣзно-дорожныхъ путей къ нашей западной границѣ. Какъ 12 щупальцевъ идутъ двѣнадцать нѣмецкихъ желѣзно-дорожныхъ путей къ нашей территоріи между Гродной и Остроленкою, при чемъ каждый желѣзно-дорожный путь предназначается для перевозки цѣлаго корпуса. Эти пути, тщательно оборудованные еще въ мирное время, точно указывали ихъ назначеніе бросить значительное количество нѣмецкихъ войскъ, для того чтобы отрѣзать нашъ варшавскій раіонъ отъ сообщенія съ сѣверомъ. Было бы странно, если бы германцы не использовали этого тщательно ими подготовленнаго театра военныхъ дѣйствій.

На австрійскомъ фронтѣ у Равы Русской взято 8.000 плѣнныхъ и 30 орудій и, по словамъ официального донесенія, особенно генераль Брусилловъ отмѣчаетъ выдающуюся дѣятельность „генерала Радко Димитріева“.

Такимъ образомъ, поступившій на русскую службу, болгарскій Наполеонъ, герой Лозенграда, Бунаръ-Гиссара и Люле-Пургаса, появляется въ лѣтописяхъ русской военной исторіи.

Недавно въ „Бѣлой книгѣ“ великобританскаго правительства была напечатана телеграмма англійскаго посла въ Берлинѣ о его переговорахъ съ германскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ

фонъ Яговымъ и имперскимъ канцеромъ Бетманъ Гольвегомъ относительно неприкосновенности нейтралитета Бельгii.

Фонъ Яговъ отвѣтилъ англичанину, что нейтралитетъ Бельгii не будетъ неприкосновененъ, такъ какъ черезъ Бельгiю идетъ единственный, кратчайшiй и удобный путь для вторженiя во Францiю, иначе германцамъ надо брать сильную линiю французскихъ крѣпостей, на что потребуется значительное время, въ которое Россiя успѣетъ привести свои войска на военное положенiе.

Лояльный англичанинъ отвѣтилъ, что, послѣ этихъ словъ, ему остается только одно—выѣхать изъ Берлина и все-таки рѣшилъ получить отвѣтъ отъ самого имперскаго канцлера.

Отвѣтъ Бетманъ Гольвега былъ такой: „и неужели изъ-за пустого звука, изъ-за одного слова нейтралитетъ, которое не разъ ни во что не ставили въ военное время, неужели изъ-за простого клочка бумаги Великобританiя станетъ воевать съ родственной нацiей, единственное желанiе которой жить съ нею въ дружбѣ“.

Клочекъ бумаги былъ международный договоръ, обеспечивающiй нейтралитетъ Бельгii, договоръ, который былъ подписанъ и Германiей.

Въ этихъ разговорахъ точно выяснилась, какова есть современная Германiя въ лицѣ ея высшихъ представителей.

А каковы представители германской армii въ видѣ калишскаго коменданта маiора Прейскера, про то рассказываетъ г. Збиевскiй, хозяинъ лучшаго ресторана въ Калишѣ ¹⁾: онъ рассказываетъ про одну учительницу коммерческой школы. „Это была красивая дѣвушка, всѣми уважаемая, отлично образованная, воспитанная, большой духовной чистоты. Прейскеръ потребовалъ ее къ себѣ, солдаты поволокли ее къ нему на квартиру... Разнузданный пьяный мерзавецъ тѣшилъ надъ нею всю ночь, а утромъ выгналъ:

— Пошла вонъ... Ты не можешь угодить прусскому офицеру... Даже дѣвкой не умѣешь быть прiятной... Должна за честь считать...

Учительница, помертвѣвшая, блѣдная, съ безумными глазами, кое-какъ добралась къ себѣ и тотчасъ же приняла ядъ...

Прейскеръ не позволилъ ее хоронить:

— Это будетъ похоже на демонстрацiю!..

И велѣлъ ее зарыть, какъ собаку...

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 1 сент. с. г.

Вообще, всякія похороны жертвъ своего неслыханнаго варварства великолѣпный нѣмецкій маіоръ считалъ „демонстраціей“.

Онъ приказалъ разложить на площади нѣсколько убитыхъ дѣвочекъ-подростковъ, сначала изнасилованныхъ имъ и его офицерами. И поставилъ часового.

— Если кто-нибудь изъ родныхъ придетъ за трупами—въ штыки. Какъ говядину, колите!..

Бродячія, голодныя собаки поотѣдали этимъ дѣвочкамъ-мученицамъ щеки, превративъ личики въ обглоданныя кровавыя маски.

Часовые не только не отгоняли собакъ, а смѣялись:

— Вотъ разукрасили, — теперь и отецъ съ матерью не узнаютъ своихъ дочерей“!..

2 сентября. Государь Императоръ пожаловалъ Георгія 4 степени генералъ-лейтенанту Радко-Дмитріеву за отличія въ дѣлахъ противъ непріятели.

Одна дама, пріѣхавшая изъ Берлина, рассказывала, что Императоръ Вильгельмъ увѣрилъ всѣхъ нѣмцевъ, что сама Россія объявила войну Германіи. Въ Берлинѣ всѣ рассчитывали на пьянство при нашей мобилизаціи, на смуту, на забастовки, на возстаніе Польши, Кавказа, Финляндіи и Прибалтійскихъ губерній и на всеобщее, по всей Россіи, пьянство.

4 сентября. Государь Императоръ соизволилъ пожаловать орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 степени—Королю Бельгіи Альберту и Сербскому наслѣдному королевичу Александру. На Галиційскомъ фронтѣ взяты Сендомиръ, укрѣпленія Кржешова, у Яворова взято 5.000 плѣнныхъ и 30 орудій.

Въ нашихъ замѣткахъ отъ 29 августа было упомянуто, что нами былъ отраженъ глубокой обходъ германцами отступающихъ изъ восточной Пруссіи войскъ генерала Ренненкампа. Обходъ германцевъ былъ обнаруженъ незначительнымъ отрядомъ нашихъ стрѣлковъ, двумя баталіонами съ четырьмя орудіями, выдвинутыми отъ Граева, близъ границы Сувалкской губерніи, на прусскіе города Бялу и Юганенбургъ къ Мазурскимъ озерамъ для обнаруженія силъ противника.

Незначительный отрядъ этотъ, усиленный еще 4 баталіонами, во второй половинѣ августа началъ энергичное наступленіе.

Нѣмцы, не подозрѣвая о присутствіи русскихъ и количества ихъ силъ, были сбиты съ передовыхъ позицій и отошли за Юганенбургъ. Пользуясь отступленіемъ непріятели, наша конница обнаружила у Мазурскихъ озеръ 1½ корпуса германцевъ,

затѣмъ нашъ отрядикъ, искусно отступивъ, донесъ о скопленіи 1½ корпусовъ германцевъ на флангѣ войскъ генерала Ренненкампа, и далъ возможность парировать готовящійся обходъ.

Разсказывали интересныя подробности объ уничтоженіи въ началѣ войны запасовъ спирта на винномъ заводѣ близъ Липно, почти на самой нашей границѣ, недалеко отъ нѣмецкой крѣпости Торна. Запасы были такъ велики, что ихъ сначала начали выливать въ сосѣдній прудъ. Спиртъ не скоро смѣшивался съ водой, и крестьяне его черпали ведрами и тутъ же пили. Но не только одни крестьяне упивались спиртомъ, къ этому занятію пристроились лошади, коровы, гуси и утки, и алкоголь и на нихъ оказалъ свое несокрушимое вліяніе. Коровы, задравъ хвосты кверху, весело покачивались и подпрыгивали, а лошади, вытянувъ шеи, съ веселымъ ржаньемъ, отчаянно скакали. Пьяные утки и гуси не могли ходить, и все время падали. Это повальное пьянство людей, животныхъ и птицъ было прекращено лишь тогда, когда догадались выливать спиртъ на поля оврага и рвы и тѣмъ не дать возможность нѣмцамъ овладѣть этими запасами для крѣпости Торна.

5—9 сентября. Генералъ Ренненкампа окончательно задержалъ наступленіе германцевъ, а на галиційскомъ фронтѣ наши войска взяли Синяву, Самборъ, обстрѣливали Ярославъ, Пржемысль, а въ районѣ Сендоміра взяли 3.000 плѣнныхъ и 10 орудій, а девятаго сентября взяли Ярославъ. Вообще на Галиційскомъ фронтѣ дѣйствія нашихъ начальниковъ и войскъ будутъ впоследствии изучаться, какъ классическіе образцы.

Августѣйшая сестра милосердія.

Однимъ изъ самыхъ трогательныхъ событій настоящей войны выдается особый сердечный уходъ за ранеными нашихъ сестеръ милосердія. Въ числѣ сестеръ милосердія находятся много Августѣйшихъ особъ. Сестра Государя Императора Великая Княгиня Ольга Александровна первая поѣхала въ Дѣйствующую армію, и вотъ какимъ образомъ, по словамъ корреспондентовъ, она несетъ этотъ не легкій крестъ ¹⁾.

„Если вамъ удастся увидѣть кого-либо изъ раненыхъ офицеровъ, побывавшихъ въ Ксеніинской общинѣ Краснаго Креста, то вамъ непременно разскажутъ о порядкахъ этого госпиталя, уходѣ въ немъ за ранеными, о пицѣ, обстановкѣ,—словомъ, обо всемъ, что дѣлаетъ этотъ лазаретъ, выдающійся во всѣхъ

¹⁾ „Новое Время“ 7 сентября с. г.

отношеніяхъ. Но больше всего и съ особеннымъ чувствомъ вамъ разскажутъ о той особенной нѣжности и ласкѣ, о томъ материнскомъ, согрѣвающимъ сердечномъ теплѣ, съ какимъ относятся въ этомъ госпиталѣ августѣйшая сестра милосердія, великая княгиня Ольга Александровна, и остальные сестры, руководимыя ея высочествомъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ ротнаго командира.

— Я былъ раненъ: двѣ пули, одна въ палецъ лѣвой руки и другая въ лѣвую ступню не дали мнѣ возможности продолжать наступленіе. Больше всего я опасался за свой участокъ: мнѣ была дана самостоятельная задача и хотѣлось довести ее до конца; судьба рѣшила иначе: роту повелъ мой поручикъ и, какъ я потомъ узналъ, выбилъ противника изъ окопа. Я уже, стащивъ сапогъ, перевязалъ на-скоро ногу и прилегъ, такъ какъ шелъ бой и я не могъ пройти на перевязочный пунктъ. Въ это время шальная пуля ранила меня въ плечо; я схватился за него, но въ ту же минуту впалъ въ обморокъ, и что было дальше, не знаю. Очнулся я на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ было много раненыхъ. Послѣ подачи мнѣ помощи, меня въ числѣ многихъ отправили въ лазаретъ великой княгини Ольги Александровны. Я не видалъ никогда ея высочество и когда ко мнѣ подошла сестра милосердія, небольшая, худенькая, съ лицомъ прекраснѣйшей доброты и нѣжности,—я не зналъ, кто была она.

— Нога вотъ..., говорю, да и плечо..., а рука—это пустое.

— Снимите рубаху, я осмотрю вашу рану,—сказала тихо и просто сестра.

Я раздѣлся. Сестра осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача и минутъ черезъ десять меня повели въ операционную. Я былъ тамъ не одинъ. Когда до меня дошла очередь, начали очищать рану. Сестра, которая меня встрѣтила, стояла около; тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше—шли другія операциіи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и выниманіе кусочковъ доставило мнѣ не мало боли.

— Пожалуйста, ваты,—сказалъ докторъ.

Сестра подала.

— Мало...

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какой-то жидкостью. Далѣе—это были уже настоящія команды, которыя исполнялись сестрой безпрекословно, въ то же время, какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты! Воды!.. Ножеицы № 6... Скорѣй! Примите руку.. Ваты!.. Дайте шприць... скорѣе!..

Все это исполнялось моментально, безъ малѣйшаго смущенія и волненія; на меня въ упоръ смотрѣли два добрыхъ глаза, полныхъ нѣжности, состраданія и, какъ мнѣ казалось,—печали; въ то же время, эти глаза смотрѣли строго и притягивали къ себѣ, заставляя на секунды отвлекаться отъ боли. Очистка кончилась.

— Можете сейчасъ же терпѣть перевязку ноги?—спросилъ докторъ.

— Могу,—сказалъ я.

Сестра развязала бинтъ и въ тазу, поданномъ фельдшеромъ и другой сестрой, начала мыть мою рану; послѣдняя была не велика, но пуля прошла насквозь, кость не дала излучинъ и рана была довольно легкая. Но отъ долгаго времени снаружи начиналось нагноеніе, которое надо было очистить. Мягкими, нѣжными, осторожными руками сестры была промыта рана, и докторъ сдѣлалъ, что нужно. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала перевязка пальца. Страданія обезсилили меня и въ безсознательномъ состояніи меня перенесли на кровать. Я не помню, что произошло потомъ, но часовъ около восьми я очнулся. Ко мнѣ подошла другая сестра; спросивъ, не надо ли чего, она бережно укрыла меня вторымъ одѣяломъ, поправила подушки и принесла чаю съ виномъ. Раны мои ныли, но были терпимы. Та же сестра принесла тазикъ съ теплой водой, отерла мнѣ лицо, руки, шею; я почувствовалъ себя свѣжѣе и бодрѣе. Я только-что собирался приподняться, чтобы пить чай, какъ подошла та сестра, что мыла мнѣ рану, и подхвативъ подъ здоровое плечо, помогла подняться. Затѣмъ она сѣла на край кровати, налила въ блюдечко чаю и стала меня поить. Я совершенно ободрился.

— Вы семейный?—спросила сестра, — дѣтки есть? — Ну, что жъ, поѣдете ихъ провѣдать, а потомъ опять?..

Я отвѣчалъ, что черезъ мѣсяць я, должно быть, вернусь къ ротѣ.

— А вы очень любите свою роту?—спросила сестра и, не дождавшись отвѣта, сказала:

— Вамъ надо спать, уже поздно, девять часовъ, а завтра поговоримъ...

Затѣмъ сестра встала, мягко провела рукой по моимъ волосамъ и какъ-то по матерински, какъ помню въ дѣтствѣ мнѣ мама говорила, сказала:

— Ну, спите, будьте умницей...

— Сестра!—остановилъ я,—скажите: въ этомъ лазаретѣ работаетъ великая княгиня Ольга Александровна?..

— Да, а что?..

— Мнѣ бы повидать...

— А вамъ зачѣмъ?—улыбнулась сестра.

— Да какъ же,—говорю,—вѣдь Царская сестра и вдругъ такую работу исполняетъ... да и потомъ говорить, она такая хорошая, добрая;... мнѣ бы ручку поцѣловать великой княгинѣ...

— А вы мнѣ обѣщаете спать, если я это вамъ устрою?

— Обѣщаю,—сказалъ я, ободрившись.

— Ну, цѣлуйте скорѣе и спите,—сказала сестра и ладонью закрыла мнѣ ротъ.

Я обомлѣлъ въ первую секунду. Затѣмъ, схвативъ руку, прижалъ ее къ губамъ.

— Ваше императорское высочество...

Сестра тихо отвела руку и сказала:

— Зовите меня „сестрой“ и помните, что вы дали обѣщаніе спать.

Съ этими словами она отошла. Я не отрывалъ глазъ отъ сестры, которая медленной походкой обходила койки раненыхъ, поправляла, что нужно, и потомъ скрылась въ дверяхъ. Послѣдующіе дни, когда я пользовался лаской, уходомъ, вниманіемъ и любовнымъ отношеніемъ къ моимъ ранамъ со стороны великой княгини,—эти дни были для меня настоящимъ праздникомъ и до могилы не забудутся. Уѣзжая, дрожащими руками, забывъ свои раны, припалъ къ рукѣ сестры, и она говорила:

— Желаю вамъ здоровья и семьѣ вашей всего, всего лучшаго...

Пожилой штабъ-офицеръ рассказываетъ.

— Когда я былъ раненъ тремя пулями пулемета, меня, по приѣздѣ съ поля сраженія, направили въ ровненскій госпиталь, въ которомъ работаетъ великая княгиня Ольга Александровна.

Я увидѣлъ ея высочество въ первый же вечеръ, когда насъ привезли. Великая княгиня, въ бѣломъ халатѣ и такой же наколкѣ, съ краснымъ крестомъ на груди и полотенцемъ черезъ плечо, стояла возлѣ раненаго въ бокъ офицера, которому врачъ дѣлалъ перевязку. Я послѣ перевязки поклонился августѣйшей сестрѣ милосердія; она милостиво протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Сестра усадила меня на табуретъ, распро-

сила о ранѣ и, поручивъ другой сестрѣ, вышла. Былъ уже вечеръ, когда меня перевязали и уложили въ постель. Въ 7 часовъ утра на слѣдующій день ея высочество подошла къ моей кровати, сѣла и стала спрашивать о раненіи, о боѣ, о семьѣ.

Я тихо отвѣчалъ на вопросы, не отрывая взора отъ ласковыхъ глазъ великой княгини. Рядомъ со мной лежалъ серьезно раненый капитанъ. Онъ повернулъ голову въ нашу сторону; великая княгиня наклонилась къ его лицу и тихо спросила, не надо ли ему чего; затѣмъ она медленно и нѣжно стала глядеть капитана по головѣ, по лицу и говорила:

— Вамъ сегодня хорошо, вотъ мы сейчасъ помѣряемъ температуру.

Затѣмъ взяла со столика термометръ, сама поставила его больному и отмѣтила минуты.

Въ это время въ госпиталь вошелъ большого роста адмиралъ, который обходилъ раненыхъ и подошелъ къ намъ.

— Леля,—обратился онъ къ великой княгинѣ,—ты вѣдь совсѣмъ съ ногъ свалишься, иди спать, а то я самъ тебя уложу; иди отдохни.

Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ великій князь Александръ Михайловичъ.

— Ну, какъ дѣла, капитанъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ моему сосѣду?

— Да ничего,—отвѣтилъ тотъ,—вотъ беспокоитъ меня одна мысль, а рана—это ничего, заживаетъ.

— Какая?—спросилъ великій князь.

— Да вотъ, уѣхалъ и не знаю, принять ли въ корпусъ сынишка, попалъ ли...

— Ну, попалъ навѣрное,—сказалъ его высочество,—это вамъ сегодня же сообщать...

— Какъ же это?—спросилъ капитанъ.

— Да вы ужъ не беспокойтесь, какъ ваша фамилія? Какъ сына зовутъ?

Капитанъ заплакалъ. Великая княгиня достала платокъ, вытерла лицо ему и, сказавъ что-то по-французски великому князю, вынула термометръ.

— Вотъ и молодцомъ вы сегодня,—сказала она.

Великій князь вышелъ, а великая княгиня подозвала сестру, сказала ей подать чай и пошла къ другимъ койкамъ. Цѣлый день и видѣлъ ея высочество то здѣсь, то тамъ. То отдавались распоряженія, то дѣлались перевязки, то она утѣшала

и ласкала раненыхъ, то снова шла въ операционную; видѣлъ я ее съ лѣкарствами и тазомъ въ рукахъ, видѣлъ во время операций. Я видѣлъ великую княгиню днемъ и ночью, рано утромъ и во время обѣда и чая; я всегда и постоянно видѣлъ ее нѣжную, ласковую, успокаивающую, худенькую фигурку, которая появлялась въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ нужна помощь и утѣшеніе. Одно присутствіе ея высочества, съ ея манерой матери, любящей и нѣжной, вливало бодрость раненымъ и терпѣніе переносить страданія боли. Эта сестра утѣшенія была предметомъ нашего благоговѣнія и безконечной любви къ ней.

Вечеромъ капитанъ получилъ телеграмму, которую принесъ ему великій князь Александръ Михайловичъ.

— Сынъ вашъ принятъ въ кадетскій корпусъ,—прочиталъ его высочество, и капитанъ залепеталъ слова благодарности.

— Молчите, молчите,—строго сказалъ великій князь,—вамъ нуженъ покой, не плачьте; сестра сердится, что вы плачете...

Дней черезъ десять меня перевели.

Уѣзжая, я подошелъ къ великой княгинѣ, поблагодарилъ за все. Она протянула мнѣ руку, взяла за голову и, погладивъ по лицу, сказала:

— Ну, будьте умницей, будьте здоровы!

Слезы стояли на моихъ глазахъ.

— Ваше императорское высочество,—обратился я,—удостойте написать мнѣ на память что-нибудь.

Великая княгиня взяла листокъ бумаги и карандашомъ написала: „*На добрую память подполковнику N-ю полка NN, Великая княгиня Ольга Александровна*“.

Я храню, буду хранить и заповѣдаю хранить своимъ дѣтямъ эту надпись, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе о лазаретѣ и нашемъ „ангелѣ-утѣшителѣ“, какъ называютъ раненые Государеву сестру, сестру милосердія“.

10 сентября. Мнѣ рассказывали, что во время сраженія при Равѣ Русской произошло такое событіе.

Двѣ австрійскихъ дивизіи съ особой энергіей наступали на фронтъ русскихъ войскъ. Одинъ изъ высшихъ русскихъ начальниковъ приказалъ нѣсколькимъ полковымъ оркестрамъ музыки приблизиться къ боевымъ линіямъ; когда они подошли, то австрійцы уже были недалеко отъ русскихъ войскъ.

Русскимъ войскамъ отдано было приказаніе прекратить огонь, а полковымъ оркестрамъ приказано играть: „Гей, Славяне“.

Когда наступавшіе австрійцы, среди которыхъ было много славянъ, услышали любимый напѣвъ, они остановились, затѣмъ прекратили огонь. Изъ австрійскихъ рядовъ стали выходить сначала кучки, а затѣмъ и цѣлыя толпы славянъ. Они бросали ружья и приходили безоружными друзьями въ братскіе ряды тоже славянскихъ, русскихъ, войскъ. И очень мало осталось въ австрійскихъ рядахъ неславянъ, которые крайне поспѣшно отступили.

Въ Петроградѣ находятся много общинъ сестеръ милосердія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принимаютъ сестеръ по особой протекціи и при обученіи выгоняютъ нещадно за ничтожныя провинности, а въ результатѣ получается кончающихъ очень малое количество, тогда какъ теперь спросъ на сестеръ громаднѣйшій и впослѣдствіи будетъ еще больше. Ночью одна сестра дежуритъ при ста больныхъ. Раненые чувствуютъ своимъ сердцемъ, кто болѣетъ больше о нихъ, не особенно любятъ прежнихъ старыхъ сестеръ, и очень просятъ ухода сестеръ, только-что кончившихъ курсъ.

Тяжело-раненные желаютъ, чтобы эти недавнія сестры производили имъ вспрыскиваніе, а умирающіе просятъ этихъ сестеръ сняться у ихъ изголовья и послать эту карточку туда, на родину къ женѣ, матери и дѣтямъ. Ни одной услуги такой сестры шопотъ умирающаго раненаго не оставлялъ безъ признательныхъ словъ: „спасибо, сестрица“.

Автору настоящихъ замѣтокъ приходилось при тяжелой болѣзни близкаго существа пользоваться уходомъ старыхъ сестеръ, бывшихъ очень злыми.

Особенно не любятъ раненые услугъ патронессъ,—разсказываютъ, что у одного раненаго въ обѣ руки патронессы обтерли лицо одеколономъ въ одинъ день 60 разъ и онъ на слѣдующій день взмолился старшему врачу о переводѣ его въ другой лазаретъ, безъ патронессъ.

Вчера получена телеграмма о бомбардированіи германцами Реймскаго собора, прикрытаго флагомъ Краснаго Креста, такъ какъ въ соборѣ находились раненые. Нѣмцы обстрѣляли соборъ пятьюстами бомбами; извѣстныя всему міру башни разрушены и соборъ былъ объятъ пламенемъ. Отъ огня въ соборѣ погибли: вся замѣчательная рѣзная работа по дереву, хоры, превос-

ходныя окна, картины изъ цвѣтныхъ стеколъ, знаменитая статуя Иисуса Христа благословляющаго базилику, и многія замѣчательныя картины уничтожены.

Съ Галиційскаго фронта получаютъ корреспонденціи о героѣ настоящей великой войны, генералъ Радко-Димитріевъ.

Онъ тамъ творить чудеса. Офицеры и солдаты его боготворятъ. Онъ всегда при войскахъ, всѣ его видятъ и при походѣ и во время самаго горячаго боя въ боевыхъ линіяхъ. Распоряженія его изумительно прекрасны.

По словамъ очевидцевъ, только онъ одинъ могъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ, съ которыми ему приходилось сражаться.

Разсказывали про плѣнныхъ, сосланныхъ въ Вологду. Тамъ очень много богатыхъ, прекрасно одѣтыхъ, вначалѣ ссылки державшихъ себя крайне нахально.

Одинъ изъ этихъ нѣмцевъ толкнулъ очень сильно крестьянина, закатившаго нѣмцу изрядную оплеуху. Послѣ этого случая нѣмцы были усмирены, и теперь они ходятъ только по срединѣ улицы и укротили свои аппетиты и вожделѣнія.

12—20 сентября.

Оттѣснивъ войска генерала Ренненкампа изъ восточной Пруссіи, германцы, подъ начальствомъ генерала Гинденбурга, рѣшили использовать для наступленія въ Россію прекрасно оборудованную свою сѣть дорогъ, чтобы отрѣзать войска Варшавскаго раіона отъ сообщенія съ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ. Они предположили, взявъ Осовецъ, идти на Бѣлостокъ, а также прогнать русскихъ за Нѣманъ.

12 августа началось энергичное наступленіе германцевъ на Осовецъ, къ Сопоткину и Друскеникамъ.

Въ теченіе трехъ дней (12, 13, 14) они яростно пытались форсировать переправу черезъ Нѣманъ у Друскеникъ, Трена и Средниковъ при усиленной подготовкѣ огнемъ полевой и тяжелой артиллеріи.

Переправу нѣмцы совершали по наводимымъ понтоннымъ мостамъ и на плотамъ; но были повсюду отражены сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи, пулеметовъ и пѣхоты. Тѣла убитыхъ нѣмцевъ плыли по Нѣману въ Германію, а воды этой рѣки были такъ насыщены германской кровью, что сохраняли розовую окраску въ теченіе трехъ дней.

Подъ Осовцемъ непріятель началъ обстрѣль крѣпости съ 14 верстъ, затѣмъ придвинулся на 7 верстъ, для того, чтобы начать наступленіе по единственному желѣзнодорожному пути, т. к. по сторонамъ были болота. Въ теченіе трехъ дней продолжался съ обѣихъ сторонъ артиллерійскій бой.

По тщательно развѣданнымъ тропинкамъ была направлена въ обходъ нѣмцевъ колонна нашихъ войскъ, которая рѣшила участь боя. Нѣмцы поспѣшно отступили.

Во время бомбардировки Осовца особенно отличился ш.-кап. Мартыновъ. Онъ былъ при развѣдкѣ раненъ и пуля еще не была извлечена. Въ то время, когда всѣ сидѣли подъ закрытіемъ, онъ забрался на вышку, уцѣлѣвшую чудомъ, т. к. всѣ деревья около были разщеплены. Въ теченіе трехъ сутокъ этотъ офицеръ сидѣлъ на вышкѣ, сообщая по телефону куда надо направлять стрѣльбу. Лишь только прекратилась стрѣльба, Мартыновъ заснулъ и былъ снятъ съ вышки цѣлымъ и невредимымъ въ состояніи глубокаго сна.

Къ вечеру 14 сентября наши войска перешли повсюду въ наступленіе, и начались жестокіе бои за Августовскіе лѣса, отличавшіеся особымъ упорствомъ въ районѣ Симна и Рачекъ.

Къ 20 августа нѣмцы съ громадными потерями были выгнаны изъ предѣловъ Сувалкской и Ломжинской губерній.

Упомянутое выше селеніе Рачки находилось между озерами и мѣстность была сильно укрѣплена и занята значительными силами нѣмцевъ. Нашу артиллерію невозможно было подвести по болотистой мѣстности и дѣйствовать приходилось пѣхотѣ. Германцы частью переходили въ энергичныя контръ-атаки.

Бой рѣшили наши казаки. Обойдя озеро съ лѣвой стороны, двѣ сотни Донцовъ начали ночью переправу черезъ озеро, и нѣмецкіе патрули замѣтили казаковъ только тогда, когда они были на другомъ берегу.

„Среди нѣмцевъ, сообщаетъ ¹⁾ участникъ боя, началась паника и смятеніе, когда они увидали нашихъ казаковъ у себя въ тылу. Они были такъ перепуганы и растеряны неожиданной атакой сзади, что не помышляли даже о сопротивленіи, думая лишь о спасеніи собственной жизни.

Видъ мокрыхъ казаковъ на покрытыхъ тиной и водорослями лошадахъ былъ такъ ужасенъ, что часть нѣмцевъ кинулась впередъ, къ нашимъ окопамъ. Наши встрѣтили ихъ щетиной штыковъ, и завязался послѣдній рѣшающій бой въ ночной тем-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 30 окт. с. г.

ночь. Нѣмцы, подпираемые казаками съ тыла, стали сдаваться сотнями.

Въ это время другой казачій отрядъ работалъ уже далеко въ тылу у бѣгущихъ нѣмцевъ, преслѣдуя ихъ, отбирая у нихъ орудія, не снятыя съ передковъ, и обозы.

Нѣмцы обратились въ паническое бѣгство по направленію къ дому, и наши вели непрерывное ихъ преслѣдованіе въ теченіе 18 часовъ, прогнавъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома пруссаковъ на 40 верстъ“.

20 августа Государь Императоръ отбылъ въ Дѣйствующую Армію, 22-го прибылъ къ арміи, 25-го посѣтилъ крѣпость Осовець, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки, а 26 сентября воротился въ Царское Село.

Во время Высочайшаго пребыванія въ районѣ военныхъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ принимать доклады какъ въ Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго, такъ и отъ Главнокомандующихъ арміями генераль-адъютанта Рузскаго и генераль-адъютанта Иванова и посѣтилъ, кромѣ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, города: Ровно, Брестъ Бѣлостокъ, крѣпость Осовець и Вильну.

Въ городахъ Ровно и Вильнѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и „Краснаго Креста“.

Германскія войска продолжали отступать на восточномъ фронтѣ, задерживаясь на позиціяхъ у Бакаларжева, Вержболова и Филиппова, а на лѣвомъ берегу Вислы въ царствѣ Польскомъ обнаруживается наступленіе непріятели по направленію къ Ивангороду и Варшавѣ.

Передъ побѣдоносно окончившимся для насъ Августовскимъ сраженіемъ поручикъ Р., съ цѣлымъ полуэскадрономъ, въ 11 часовъ вечера, 18 сентября видѣлъ на небѣ Божию Матерь съ Иисусомъ Христомъ на рукахъ, другая рука Богоматери указывала на западъ. Всѣ нижніе чины смотрѣли на видѣніе на колѣняхъ. Видѣніе измѣнилось въ большой крестъ, а затѣмъ исчезло ¹⁾).

27 сентября. Удивительно звѣриная, нѣмецкая нація. Она покрыла себя такимъ позоромъ въ эту войну, что этого позора имъ никогда не отмыть отъ пакостныхъ страницъ ихъ дѣяній. Отчаянный грабежъ всякаго чужого имущества, начиная отъ

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 25 сент.

самыхъ высокихъ лицъ германской арміи до самаго послѣдняго солдата, варварское уничтоженіе памятниковъ науки и искусствъ, безцѣльное разбитіе въ мелкіе клочки имущества мирныхъ гражданъ, поворное его оскверненіе и запakoщиваніе— это— неизмѣнные поступки германскихъ войскъ на всѣхъ непріятельскихъ земляхъ, гдѣ они ставятъ свою подлую, германскую ногу.

Мужчинъ, женщинъ и дѣтей безпощадно разстрѣливаютъ; бывали случаи, когда заставляла пить кровь убитыхъ. Насилія надъ женщинами производятся ужасныя, какъ германцами, такъ и венграми. Приведемъ два ¹⁾ описанія изъ позорныхъ дѣяній. Первое изображаетъ такую картину:

„Передъ р. Саномъ послѣдніе на нашей землѣ непріятельскіе окопы были полны трупами австріяковъ и пруссаковъ. Къ этому привыкли, и не почернѣвшія лица нѣмцевъ поразили тѣхъ, кто первыми приблизился къ мертвымъ окопамъ. Разбирая трупы, слышали слабый стонъ; приподняли блиндажъ— и нашли женщинъ. Сперва одну, затѣмъ другую, третью...

Ихъ затащили въ окопы нѣмцы изъ польскихъ деревень, держали подъ обстрѣломъ, а ночью измывались надъ беззащитными, предаваясь разврату и гнусностямъ. Женщинъ нашли полуживыми, истерзанными, истекавшими кровью, голодными— задыхавшимися въ трупномъ зловоніи. Почти всѣ онѣ вскорѣ умерли, но двѣ пока выжили“...

Другое,—въ разказахъ холмскаго священника,—повѣствуетъ слѣдующее:

„Въ эту ночь начались насилія. У одного крестьянина была шестнадцатилѣтняя дочь. Почти весь взводъ совершилъ надъ ней насиліе. Отецъ бросился на-земь, цѣловалъ имъ сапоги и просилъ: „Убейте меня, не трогайте только ее“. Но ничего это не помогло. Мадьяры крестьянина убили, а надъ дѣвушкой совершили гнусное насиліе до полного обморока. Бѣдную дѣвушку въ обморочномъ состояніи держали двое за руки, двое за ноги на воздухѣ и насилывали. Когда другія женщины увидѣли эти издѣвательства, на нихъ напалъ паническій страхъ“.

Съ нашими ранеными германцы обращаются самымъ варварскимъ образомъ:

Вотъ что пишутъ съ театра войны ²⁾.

¹⁾ „Новое Вр.“ 18 и 27 сент. с. г.

²⁾ „Новое Вр.“ 6 сен.

Отбитые у нѣмцевъ наши раненые являютъ собою яркіе примѣры жестокости и варварства „просвѣщенныхъ соотечественниковъ Шиллера“.

„Казакъ Семень Анохинъ получилъ въ одномъ изъ сраженій нѣсколько тяжкихъ ранъ. Наши должны были отступить передъ подавляющими силами германцевъ и не успѣли подобрать раненыхъ. Анохинъ былъ забранъ нѣмцами, которые отнесли его въ сарай и начали надъ ними издѣваться. Обезумѣвшіе нѣмцы вымещали на несчастномъ раненомъ казакѣ свою злобу: били его прикладами и каблуками по головѣ, груди, лицу. Послѣ этихъ побоевъ Анохинъ потерялъ сознание.

Въ довершеніе всего нѣмцы вырвали изъ его бороды всѣ волосы и буквально содрали съ его лица всю кожу.

У поручика Смирнова, попавшаго въ плѣнъ къ нѣмцамъ, они отрѣзали носъ. Когда Смирновъ лежалъ тяжело раненый на полянѣ, мимо него проходила нѣмецкая рота. Каждый нѣмецъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ Смирнову и ударить его или ногой или винтовкой. Нѣкоторые въ какомъ-то остервенѣніи или оцѣпенѣніи хватали поручика за носъ и трясли, скаля зубы и съ злобною радостью шипѣли „O russische Officier“. Одинъ изъ солдатъ не удовольствовался этимъ и, выхвативъ тесакъ, отрубилъ поручику носъ...

У рядового Хатепсиса, послѣ его кратковременнаго плѣненія нѣмцами, оказался вырѣзаннымъ языкъ. Какимъ образомъ это произошло, Хатепсисъ не могъ рассказать“.

Другого раненаго германцы стали спрашивать про наши войска и когда онъ отказался давать свѣдѣнія, то начали его пытать. Вотъ какія показанія онъ давалъ:

— Послѣдній разъ говоримъ, — будешь отвѣчать, о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадить ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучить, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ,— бросили... Опять остался одинъ ¹⁾.

Третій разсказъ раненаго солдата таковъ:

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 20 сентября.

Солдатъ разсказалъ, что 13-го сентября онъ былъ раненъ и въ безсознательномъ состояніи остался на полѣ сраженія. Когда онъ очнулся, то кругомъ было тихо. Хотѣлъ приподняться и тотчасъ же замѣтилъ проходившаго вблизи нѣмецкаго офицера. Увидя его, офицеръ подошелъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ сказалъ:

— Ты, русская собака, еще не сдохла за сутки?

Выхвативъ револьверъ, онъ два раза выстрѣлилъ, ранивъ вождата въ правое плечо и въ бокъ. Видя, однако, что русскій еще живъ, офицеръ со словами:

— Русскихъ собакъ вѣшать нужно! — схватилъ лежащую по близости винтовку, прикладомъ ударилъ раненаго по головѣ. Послѣ того нашъ солдатъ впалъ въ безсознательное состояніе, пока его не подобрала наши санитары.

Положеніе раненаго тяжелое ¹⁾.

Въ деревнѣ Саенки близъ Августова нашли обгорѣвшій остовъ казака-урядника, котораго облили керосиномъ и живого сожгли. У взятыхъ въ плѣнъ и раненыхъ вырѣзываютъ лампы вмѣстѣ съ мясомъ.

Дальше этого идти трудно.

Отношеніе германцевъ къ нашимъ курортникамъ, задержаннымъ въ Германіи и платившимъ за свое лѣченіе большія деньги, было самое жестокое: нѣкоторыхъ изъ нихъ били, разлучали членовъ семей, сажали въ камеры для каторжныхъ, сажали въ тѣсныя помѣщенія и мужчинъ и женщинъ, и нигде не выпускали долгое время, сажали въ звѣринцы и въ не топлённые помѣщенія, всячески издѣвались надъ ними и держали впроголодь.

Тѣхъ же изъ русскихъ, которыхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ принимали за шпионовъ, нещадно разстрѣливали, безъ всякаго обслѣдованія ихъ вины.

Якобы добродушное нѣмецкое населеніе встрѣчало такимъ образомъ плѣненныхъ вмѣстѣ съ госпиталемъ нашихъ сестеръ милосердія.

Во время путешествія по желѣзной дорогѣ имъ не давали пить и держали въ запертомъ вагонѣ.

Въ Виленбургѣ мѣстные жители приносили пищу, издѣвательски показывали ее русскимъ раненымъ, поднося ко рту, а затѣмъ вырывали и давали нѣмецкимъ раненымъ.

На станціи Ортельсбургъ собралась масса нѣмцевъ посмо-

¹⁾ „Вечернее Время“, 28-го сентября.

трѣть на русскихъ раненыхъ. Женщины страшно злобствовали. Увидѣвши русскихъ, нѣмки съ кулаками и ругательствами бросились на русскихъ, которые едва-едва скрылись въ вагонѣ¹⁾.

Во Франкфуртѣ на Одерѣ громадная толпа слѣдовала сзади плѣнныхъ съ угрозами и насмѣшками.

Вотъ каковы культурные нѣмцы.

29 сентября. Въ Витебскѣ скончался Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ отъ раны, полученной въ сраженіи во время кавалерійской атаки.

Мнѣ передавали рассказъ одного раненаго въ Августовскихъ бояхъ офицера. Онъ рассказывалъ, что духъ нашихъ войскъ выше всякой похвалы. Наступательный порывъ настолько великъ, что его невозможно удержать. Любовь солдата къ офицеру дивная. Солдатъ видитъ офицера всегда впереди, ощущаетъ на себѣ его неизмѣнную попечительность, а потому всѣми своими силами бережетъ жизнь и здоровье офицера, постоянно заботится о его довольствіи и удобномъ помѣщеніи.

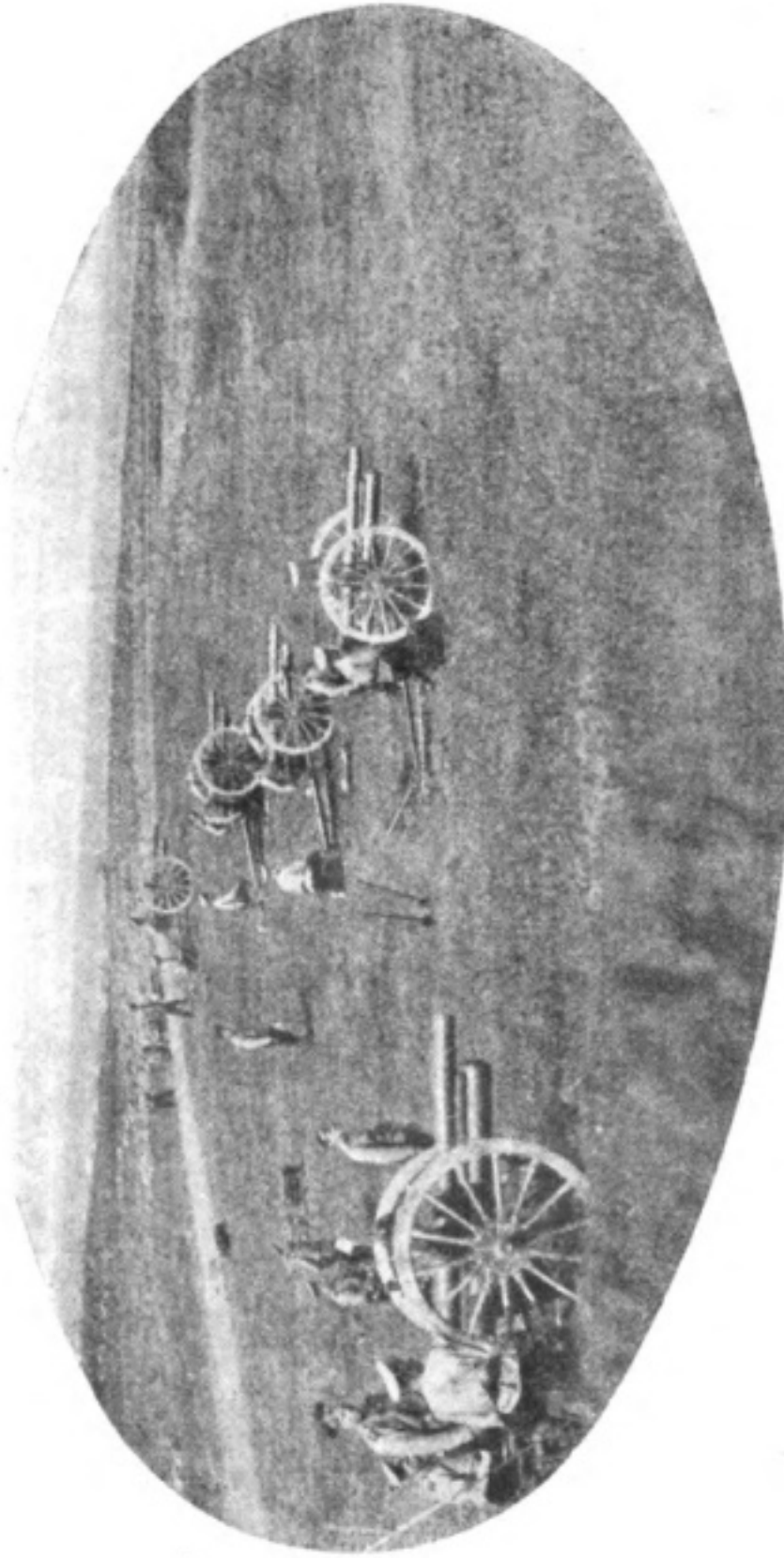
Нашъ солдатъ замѣчательно выросъ умственно послѣ японской войны, все онъ понимаетъ и войну ведетъ вполне сознательно и разумно. Онъ очень ревнивъ къ сбору патроновъ и постоянно отбираетъ патроны отъ раненыхъ и убитыхъ. Питаніе патронами идетъ прекрасно: патронные двуколки очень хороши.

Сами нижніе чины прекрасно приспособляются и недурно устраиваются, часто удивляютъ смѣтливостью: какъ-то нашли брошенные жителями брезенты—немедленно изъ нихъ солдаты накроили себѣ непромокаемыхъ плащей.

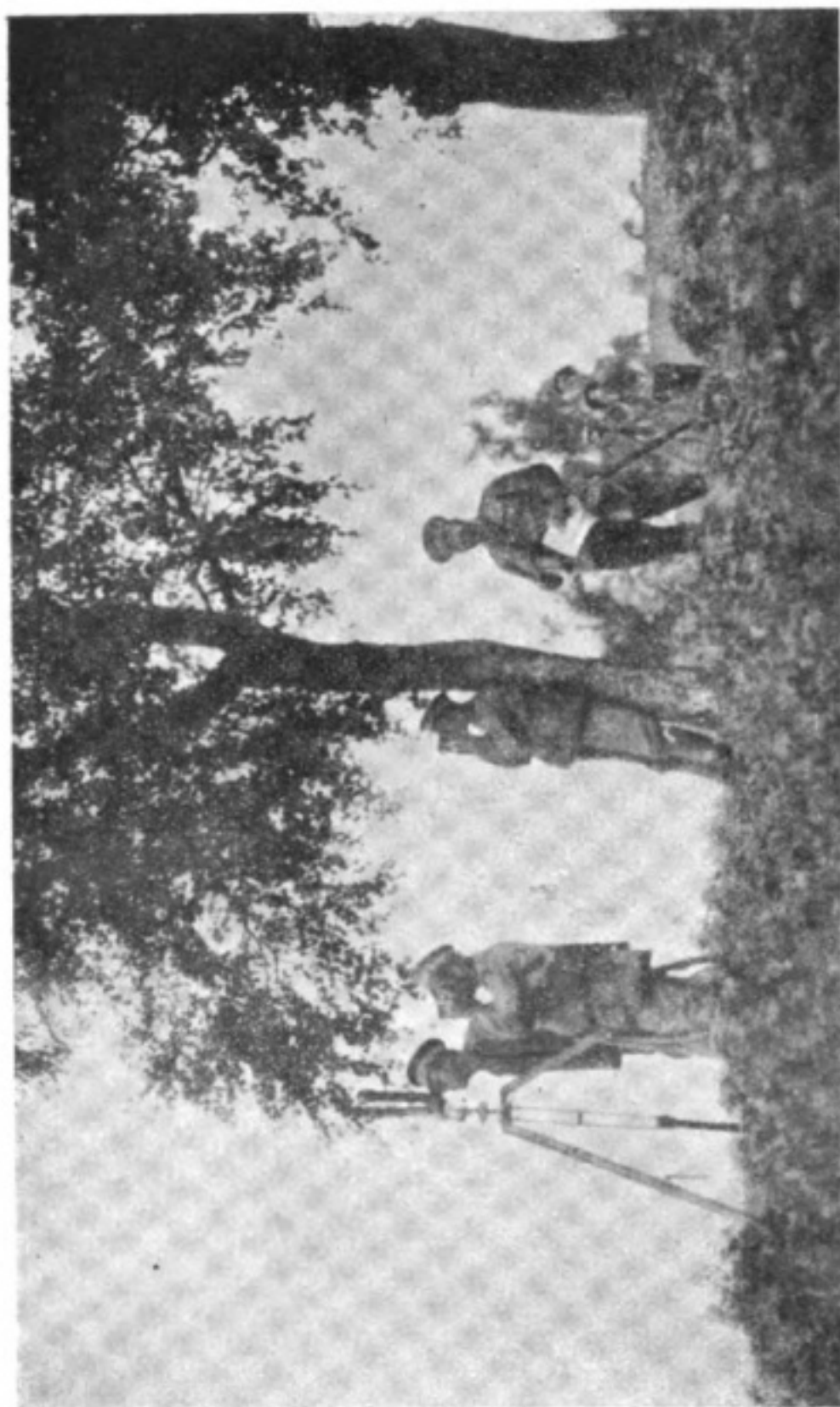
Находчивость нижнихъ чиновъ и казаковъ бываетъ изумительная. При расположеніи на совершенно открытой мѣстности надо было замаскировать отъ наблюдательныхъ пунктовъ неприятеля и аэроплановъ батарею. Солдатики поѣхали за крупными вѣтвями въ дальнюю рощу, привезли этихъ вѣтвей въ такомъ изобиліи, что устроили готовую рощу, въ которой укрыли орудія, а передки были скрыты въ складкахъ мѣстности. Интересно было знать, что думалъ нѣмецкій летчикъ о высокихъ кустахъ, не нанесенныхъ на его планъ.

Казачья, спѣшиваясь, очень часто укрываютъ своихъ лошадей въ ближайшемъ стадѣ.

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 16-го сентября.

Въ бою: батарея на позиціи.

Въ бою: наблюдательный пунктъ для стрельбы артиллеріи.

Дружба всѣхъ родовъ оружія замѣчательна. Особенно между пѣхотой и артиллеріей. Пѣхота очень часто громко привѣтствуетъ артиллерію за ея несравненную стрѣльбу.

Организація службы связи между штабами, частями полковъ, пѣхотой и артиллеріей налажена въ настоящей войнѣ очень высоко. Такой службы связи въ русскихъ войскахъ еще никогда не бывало.

Особенно искусно организуется передача донесеній и приказаній между расположенными на позиціи батареями, стрѣлковыми цѣпами и наблюдательными за артиллерійской стрѣльбой пунктами. Мотки полевого телефона, носимые въ ранцахъ, быстро устанавливаются службу связи.

Пополненіе убыли въ бояхъ совершается необычайно быстро, но преимущественно земляками, что имѣетъ громадное вліяніе на духъ воинскихъ частей.

Прекрасно организовано взаимодѣйствіе госпиталей и санитарныхъ поѣздовъ дворянскихъ и земскихъ организацій съ такими же военными учрежденіями.

Наши солдаты очень любятъ Верховнаго Главнокомандующаго, обходящаго линіи окоповъ и умѣющаго говорить съ солдатами.

Нѣмцы ведутъ войну безпощадно для мирныхъ жителей Россіи. Во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не существуетъ селеній и жители живутъ въ землянкахъ, часто расположенныхъ между воюющими сторонами.

Пришлось проходить замокъ польскаго магната, въ которомъ только квартировалъ штабъ германской пѣхотной дивизіи.

Замокъ былъ разграбленъ, разбитъ и запакощенъ. Оставлены постели, застланныя чуднымъ бѣльемъ, и середина постели загажена экскрементами. То же сдѣлано со шкафомъ съ бѣльемъ въ тѣхъ мѣстахъ шкафовъ, гдѣ были выдвинуты полки и оставлено бѣлье.

Мужскіе портреты чудной фамильной галлерей были разрѣзаны, у нихъ выколоты глаза, а у портретовъ женщинъ намазаны горчицей усы.

Въ числѣ взятыхъ плѣнныхъ былъ прусскій гвардейскій офицеръ, крайне нахальнаго вида. Онъ сталъ отдѣльно отъ другихъ плѣнныхъ и хотѣлъ закурить папиросу, но у него нѣ

было огня. Нашъ молодой офицеръ подалъ свое огниво. Офицеръ инстинктивно сначала закурилъ папиросу, а затѣмъ съ презрѣніемъ бросилъ и огниво и папиросу на землю.

Въ августовскихъ лѣсахъ висѣлъ трупъ казака. Онъ былъ повѣшенъ за правый палець, а лѣвая рука была привязана къ спинѣ. Всѣ суставы были страшно вытянуты, а лицо его было ужасно.

В. П.

